КУЛЬТУРА В ПЕДАГОГИКЕ

(воспоминания и раздумья)

Через несколько дней начнется новый учебный год. Публикуя воспоминания В. П. Анонена, мы желаем педагогам района высокого творчества, чтобы и о них через 70 лет с такой же безграничной любовью вспоминали их ученики...

Южно-Енисейская средняя школа

Окончились январские школьные каникулы 1935-36 учебного года. Продолжить учебу мне предстояло в Южно-Енисейской средней школе. После Рыбинской семилетки я поначалу здесь чувствовал себя неуютно, робел. Все казалось необыкновенно величественным. Светлые длинные коридоры с теплыми печками-голландками, покрытыми железом и выкрашенными в черный цвет. Просторный зал. В конце каждого из двух коридоров теплые туалеты (мужской и женский). Много классных комнат, двери которых покрашены в белый цвет. В зале выставка рисунков учащихся.

Первый после зимних каникул рабочий день. Ученики приходят в школу до начала первого урока. Их много. Выделяются старшеклассники. Они ходят степенно, о чем-то важном разговаривают между собой. Видимо, очень умные. Вот трое даже в очках. Я ко всему приглядываюсь, скромно стою в сторонке.

Учителя, наверное, строгие. Все идут в учительскую, подмышкой несут классные журналы, лица у всех серьезные...

Меня посадили в 4 «В» класс. Мой класс занимался во вторую смену – с двух часов дня до шести или семи часов вечера. Все уроки вели учителя-предметники.

Валентина Елизаровна ВОЙЛОШНИКОВА

Первым моим уроком в этой школе был русский язык. Учительница Валентина Елизаровна Войлошникова (ее муж был директором школы). Написали диктант. В следующий день объявлялись результаты. Валентина Елизаровна сказала, надевая очки: «У нас появился новичок. Анонен, ну-ка встань... Молодец! Отлично! Единственная такая отметка в классе!». Ребята смотрели на меня удивленно и с любопытством. Вставал я с тяжело дрогнувшим сердцем, а садился облегченно, радостно. Оказывается, и здесь учиться вовсе не страшно!

Вот такие первые впечатления от этой школы сохранились в моей памяти до сих пор. В Южно-Енисейской средней школе мне суждено было учиться еще семь лет. Конечно, были и подъемы, и спады, и вера, и сомнения, и надежды, и растерянность. Всякое было. Но ведь годы юности, годы утра жизни, когда закладывается фундамент личности и судьбы, и не могут быть безмятежными. Особенно в такое суровое время, как тридцатые-сороковые годы XX века в нашей истории.

Выражаю самую глубокую сердечную благодарность и низко кланяюсь всем учителям родной Южно-Енисейской школы. Они своей человечностью прямо или косвенно помогли мне не сбиться при выборе пути в жизнь. Расскажу хотя бы о некоторых своих наставниках, о том, как я воспринял общение с ними.

Евгения Михайловна ЧЕТЫРКИНА

Когда я учился в 4-м классе, классным руководителем у нас была Евгения Михайловна Четыркина. Она же учила математике. Ей было, наверное, не больше 40 лет. Всегда энергичная, жизнерадостная, она вселяла в нас бодрость духа. Была в меру строгой, требовательной, в то же время могла заразительно засмеяться и снять возникшее на уроке напряжение. Когда надо было помочь ей заполнить аккуратно в конце учебной четверти табеля успеваемости учащихся, она уважительно приглашала меня к себе домой. У них была солнечная, с большими окнами квартира. На стене висели в рамках под стеклами репродукции различных картин. Мне запомнилась «Рожь» И. И. Шишкина. Мечталось (когда буду взрослым) в своей квартире размещать картины.

Николай Дмитриевич ИВАНОВ

Географии нас учил Николай Дмитриевич Иванов. У него были остриженные под машинку седеющие волосы, в нагрудном карманчике пиджака на темно-желтом кожаном ремешке карманные часы с крышечкой, а в руках он почти всегда держал указку. Человек он был спокойный, говорил негромко, неторопливо, но чувствовалась увлеченность преподаваемым предметом. Около школы была оборудована географическая площадка. Под руководством Николая Дмитриевича учащиеся ежедневно наблюдали за изменением атмосферного давления, температурой воздуха, количеством выпавших осадков и все данные записывали в специальный журнал.

Однажды весной Николай Дмитриевич увидел меня, когда я вез в таратайке навоз в свой огород, остановил и душевно как-то похвалил меня за то, что занимаюсь крестьянским трудом.

Иван Иванович БРАУН

Когда я учился в 5-7 классах, уроки немецкого языка у нас вел Иван Иванович Браун – человек очень деликатный и добрый. Говорил он всегда негромко и как бы даже вкрадчиво. Часто приносил на уроки скрипку, и тогда классная комната наполнялась приятными мелодиями. Мы замирали, успокаивались, прекращали шалости. Основой личности учителя Брауна было при обращении с ним какое-то упрощенное благородство.

Много лет спустя, когда я уже работал учителем в Мотыгинской средней школе, а Иван Иванович – в Рыбинской семилетней, он стал присылать мне выписки интересных мыслей, вычитанных им из книг. В преклонном возрасте он еще оставался увлекающейся личностью и заряжал возвышенным отношением к жизни других. Когда ему было уже за семьдесят, Иван Иванович совершил путешествие на велосипеде из нашего района до Кустаная.

Полина Леопольдовна ПРЕВО

В старших классах немецкому языку мы учились у Полины Леопольдовны Прево. Из всех моих учителей она выделялась высокой духовной культурой. Мы, школьники, знали, что в молодые годы ей доводилось встречаться с Антоном Павловичем Чеховым, что она была замужем за художником-французом. О встрече с великим писателем она нам рассказывала. С каким интересом мы в своей таежной глубинке слушали о далекой солнечной Ялте и волнующих, невообразимо счастливых встречах нашей учительницы!

Она любила петь и аккомпанировать себе на гитаре. Такие минуты на уроках мы особенно любили. Полина Леопольдовна участвовала и в клубной самодеятельности, даже тогда, когда ей было уже больше семидесяти лет. Отлично помню ее в роли старой цыганки в постановке режиссера Д. П. Свидерского драмы А. С. Пушкина «Цыганы».

По отношению к своим бывшим ученицам, ставшим после окончания школы матерями, она отличалась предупредительной заботливостью, непременно приходила к ним домой с подарками и давала разумные советы по уходу за ребенком и особенностям благополучной семейной жизни.

В марте 1958 года, когда я работал в Мотыгинской средней школе, мне сообщили, что Полина Леопольдовна заболела и лежит в Южно-Енисейской больнице. Я поехал навестить ее. Она лежала в небольшой отдельной палате одна, чувствовала слабость. Беседовали мы спокойно, тепло. Полина Леопольдовна попросила ее приподнять и взбить подушку, чтобы мягче и удобнее было лежать.

Когда я это сделал, она неожиданно попросила налить ей в стакан шампанского. Оно уже заранее было здесь приготовлено. Я выполнил просьбу. Полина Леопольдовна рассказала о том, что Чехов перед смертью выпил стакан шампанского. Она выпила налитое, поцеловала меня, захотела повернуться на другой бок, я помог ей, и мы попрощались.

Полина Леопольдовна жила еще несколько месяцев. Тогда я не знал, что вижу свою учительницу в последний раз.

Иннокентий Тихонович ЯКОВЛЕВ

Личность по-своему уникальная. Он преподавал историю, обладал обширными знаниями и феноменальной памятью. Учебников тогда катастрофически не хватало. Учась в 5-7 классах, мы уже вынуждены были многое конспектировать со слов учителя. В таких условиях Иннокентий Тихонович уроки проводил оригинально.

Часто было так. Придет он не из дома, а с лыжни (заядлый был лыжник), заходит в класс в лыжном костюме, поздоровается с нами и спросит: «На чем мы остановились в прошлый раз? Что я рассказывал?». Получив краткий ответ, он энергично говорил: «Достаньте быстро тетради, пишите дальше. Эту неделю рассказываю я, а будущую – вы. Спрашивать буду».

(Окончание на 10-й стр.).

КУЛЬТУРА В ПЕДАГОГИКЕ

(Окончание. Начало на 9-й стр.).

Заложив руки за спину, учитель медленно ходит между рядами парт, спокойно, замедленно рассказывает, а мы пишем, стараясь уловить главные мысли текста. В следующую неделю (конечно, не всю полностью и не каждый день) он действительно проводил опрос и выставлял нам в журнале оценки. Все происходило спокойно, мы взаимно дополняли друг друга и исправляли ошибки, если они были кем-нибудь допущены.

Иннокентий Тихонович и футболистом был азартным, во всех соревнованиях принимал активное участие. А на школьных вечерах отдыха (так их тогда называли, ведь выходной день был только в воскресенье) учитель сядет на скамейке где-нибудь в сторонке, мальчишки непременно располагаются вокруг него, и начинаются какие-нибудь интересные рассказы о прочитанных книгах, случаях из жизни, забавных историях и т.п. Нас поражали разносторонние знания Иннокентия Тихоновича, он добыл их самостоятельным трудом, даже институт окончил заочно.

Умер Иннокентий Тихонович от тяжелых ран (ему ампутировали обе ноги) в Новосибирском госпитале во время Великой Отечественной войны.

Анна Захаровна КЕДРОВА

Жена Иннокентия Тихоновича Яковлева, тоже учительница истории. Была она женщиной очень скромной, вдумчивой, всегда уравновешенной и практичной. Такой я ее запомнил и как учительницу, и как завуча школы.

Учась в старших классах, я редактировал школьную стенгазету, был членом учкома, нередко старостой класса, и поэтому часто приходилось обращаться к завучу. Человек глубокой внутренней культуры, Анна Захаровна никогда не ущемляла инициативу учащихся и в то же время умело, деликатно давала нам разумные советы.

Последние годы своей жизни Анна Захаровна прожила в селе Мотыгино. Это было в годы войны. В их семье было четверо детей, поэтому в такое суровое время им всем приходилось испытывать неимоверные трудности, лишения и невзгоды. Анна Захаровна не смогла их все перенести и умерла. Похоронена она на Красной горке в Мотыгино.

Николай Георгиевич КОНОНЕНКО

Учитель географии. Выше среднего роста, модно одетый, стройного телосложения, он всегда был энергичный, а на школьных вечерах отдыха в поселковом клубе в меру элегантный, он привлекал к себе внимание окружающих.

Николай Георгиевич обладал сочным баритоном и охотно участвовал в художественной самодеятельности. Как он пел «Дивлюсь я на небо»! Да любая песня в его исполнении вызывала шквал аплодисментов. За такие особенности его уважали учащиеся. Конечно, как учитель свой предмет он знал хорошо и преподавал уверенно. На уроках всегда был необходимый порядок.

Иван Гаврилович АРШИНИН

Учитель физкультуры Иван Гаврилович Аршинин – способный спортсмен-гимнаст, футболист и волейболист. Среднего роста, шустрый, подвижный, вечно куда-то торопящийся, в школу он часто не просто шел, а почти бежал. Под его руководством в школе отлично работал гимнастический кружок. Нередко в поселковом клубе во время концертов школьные гимнасты демонстрировали на сцене свое мастерство.

Иван Гаврилович был и талантливым артистом-любителем, сыграл много ролей в постановках Д. П. Свидерского и Н. М. Сперанской.

Николай Алексеевич ДОБРОХОТОВ

Учитель физики Николай Алексеевич Доброхотов отличался от всех строгостью требований дисциплины учащихся на своих уроках. Это помогало ему добиваться от нас хороших знаний. Ученики, которые после окончания школы поступали в Томский университет, рассказывали, что когда они сдавали вступительные экзамены по физике, их спрашивали: «Так вы Южно-Енисейскую школу окончили? У Доброхотова учились?» Получив утвердительный ответ, преподаватель университета сразу ставил в зачетку «отлично», не считая нужным продолжать экзамен.

Зная это, учащиеся сами старались соблюдать необходимую дисциплину на уроках физики. Николай Алексеевич объяснял материал ясно, четко, конкретно, без лишних слов и одновременно на классной доске записывал формулы. В это время нам, ученикам, надо было быть особенно внимательными.

Как-то раз он заметил, что я немного отвлекся, обращаясь к соседу по парте. Учитель резко попросил меня повторить произнесенные им последние слова. Я не смог. Он немедленно влепил мне в классном журнале единицу. После уроков я с большим трудом сдал ему этот материал, но только на тройку.

Опрос он тоже проводил своеобразно. В начале урока неторопливо раскрывал классный журнал, покручивая пальцами усы, направлял взгляд в список учащихся, называл фамилию и говорил:

- А ну-ка, барИшня, танцуй к доске и расскажи нам об интерференции волн.

Слово «барышня» он произносил как бы с буквой «и», а в слове «интерференция» смягчал «е» - получалось оригинально. Если спрашивал мальчика, тогда к доске «танцевал кавалер». Все это говорилось как бы серьезным тоном, но шутя. На уроке таким образом смягчалось напряжение, и ученики чувствовали себя свободнее.

Иногда Николай Алексеевич появлялся на уроке с немного растрепанными усами и чуточку насмешливыми глазами. Мы сразу догадывались, что он был подвыпившим, и начинали дружно просить: «Николай Алексеевич! Расскажите нам, как вы воевали во время империалистической войны». Хитро погрозив пальцем, он все-таки усаживался на учительский стол, чтобы лучше видеть нас, и рассказывал, как рубил шашкой врагов, как бывал в разных ситуациях, и повышен в офицерском звании, и разжалован, и опять награжден. В такие минуты он становился нам близким, доступным, понятным и совсем обычным человеком, казалось, таким же, как мы...

Но особенно он расположил меня к себе в начале пятидесятых годов, когда я уже работал завучем Южно-Енисейской школы, и мы стали общаться как учитель с учителем. Однажды Николай Алексеевич пригласил к себе «на чашку чая». Во время беседы он достал из чемодана написанные масляными красками картины и признался, что это его собственные авторские труды. Оказывается, он увлекался и живописью! Некоторые пейзажи были выразительны, привлекали лиричностью. Разве это не удивительно? Физика и лирика в одной душе!

У Николая Алексеевича и Анны Антоновны сын Евгений окончил Южно-Енисейскую школу, выехал отсюда, имел уже свою семью и сына, но погиб в Великую Отечественную войну.

И о других незабываемых учителях

До сих пор в моей памяти живут учительницы русского языка и литературы Прасковья Николаевна Хомутова, Александра Андреевна Неживая и Елена Семеновна Игнатенко. Кстати, кратко расскажу о таком случае в моей тогдашней жизни.

Ранним утром в сенокосную пору я деловито шагал по улице, направляясь на покос. На спине увесистый рюкзак, на плече коса-литовка – этакий деревенский мужичок, в лице какая-то озабоченность и расчетливость, наверное.

Вдруг навстречу идет Елена Семеновна. Плутовато улыбаясь, учительница попросила остановиться и ласково так спрашивает: «Анонен, а ты Ионычем не будешь?». Я сначала опешил, потом вспомнил рассказ А. П. Чехова «Ионыч» и ответил: «Спасибо за намек. Постараюсь не быть».

Прошу прощения...

Простите меня, дорогие мои учителя Южно-Енисейской школы, имен которых я не назвал. Вы тоже не забыты и в некоторых жизненных ситуациях напоминаете мне о себе. В этих воспоминаниях я пишу только о том времени, когда был учеником-школьником и как воспринимал мир школьного общения того времени.

Войлошников Павел Александрович (директор школы), Федор Исакович Иванюшев, Миньона Мироновна Загибалова, Евдокия Ивановна Семенова, Александра Леонтьевна Леонтьева, Марк Дмитриевич Яковлев, Анатолий Никитич Хулугуров, Агния Павловна Меркурьева, В. Г. Бриллиантов, Гаинцев, Рукавишников и другие! Сердечное спасибо и светлая память всем!.. Милые наши учителя 30-40-х годов XX века! Если бы вы знали, какие метаморфозы претерпевают воспоминания о вас в течение долгой взрослой жизни у бывших ваших учеников! Казавшиеся нелюбимыми и придирчивыми учителя теперь вспоминаются с благодарностью. Как много вы нам дали и как нужна была именно тогда ваша строгость. Как казавшееся нестерпимо скучным теперь обретает притягательность, непостижимое стало ясным, непонятное глубокомысленным. Вы были мудрыми людьми. А ведь это главное в Человеке!

Веза АНОНЕН,
заслуженный учитель школы РСФСР.